

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ

И. Пивоварова

РАССКАЗЫ ЛЮСИ СИНИЦЫНОЙ

«МАСТЫШ»

Ирина Михайловна Пивоварова
Рассказы Люси
Синицыной (сборник)
Серия «Весёлые истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22468168

*Пивоварова, Ирина Михайловна. Рассказы Люси Синицыной. Рассказы,
сказочная повесть: АСТ; Москва; 2017*

ISBN 978-5-17-100010-3

Аннотация

В книгу вошли классические произведения И. Пивоваровой из книги «Рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса» и повесть «Старичок в клетчатых брюках». Добрая, смешная, трогательная, по-детски наивная проза – замечательное, увлекательное чтение, полностью захватывающее внимание читателя с первых страниц чтения.

Содержание

Рассказы Люси Синицыной	5
О чём думает моя голова	5
«Привет с далёкого севера!»	10
«Как провожают пароходы...»	20
Весенний дождь	26
Старичок в клетчатых брюках	34
Часть первая	34
Глава 1	34
Глава 2	37
Глава 3	38
Глава 4	41
Глава 5	42
Глава 6	43
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Ирина Михайловна
Пивоварова
Рассказы Люси
Синицыной (сборник)**

© Пивоварова И.М., насл., 2017

© Почтенная К.О., илл., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Рассказы Люси Сеницыной

О чём думает моя голова

Если вы думаете, что я учусь хорошо, вы ошибаетесь. Я учусь неважно. Почему-то все считают, что я способная, но ленивая. Я не знаю, способная я или не способная. Но только я точно знаю, что я не ленивая. Я по три часа сижу над задачами.

Вот, например, сейчас я сижу и изо всех сил хочу решить задачу. А она не решается. Я говорю маме:

– Мам, а у меня задачка не получается.

– Не ленись, – говорит мама. – Подумай хорошенько, и всё получится. Только хорошенько подумай!

Она уходит по делам. А я беру голову обеими руками и говорю ей:

– Думай, голова. Думай хорошенько... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Голова, ты почему не думаешь? Ну, голова, ну, думай, пожалуйста! Ну что тебе стоит!

За окном плывёт облачко. Оно лёгонькое, как пух. Вот оно остановилось. Нет, плывёт дальше.

Голова, о чём ты думаешь?! Как тебе не стыдно!!! «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Люська, наверное, тоже вышла. Она уже гуляет. Если бы она подошла ко мне первая, я бы её, конечно, простила. Но разве она подойдёт, такая вредина?!

«Из пункта А в пункт Б...» Нет, она не подойдёт. Наоборот, когда я выйду во двор, она возьмёт под руку Лену и будет с ней шептаться. Потом она скажет: «Лен, по-шли ко мне, у меня что-то есть». Они уйдут, а потом сядут на подоконник и будут смеяться и грызть семечки.

«Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» А я что сделаю?.. А я тогда позову Колю, Петьку и Павлика играть в лапту. А она что сделает?.. Ага, она поставит пластинку «Три толстяка». Да так громко, что Коля, Петька и Павлик услышат и побегут просить её, чтобы она дала им послушать. Сто раз слушали, всё им мало! И тогда Люська закроет окно, и они там все будут слушать пластинку.

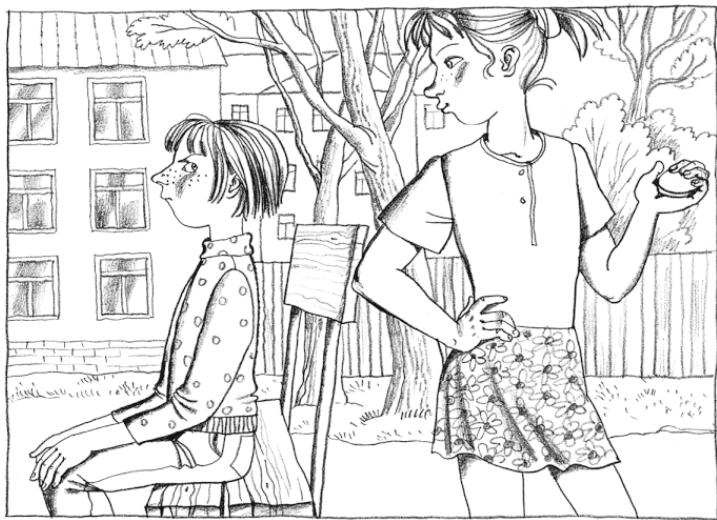
«Из пункта А в пункт... в пункт...» А я тогда возьму и запущу чем-нибудь прямо в её окно. Стекло – дзинь! – и

разлетится. Пусть знает.

Так. Я уже устала думать. Думай не думай – задача не получается. Просто ужас какая задачка трудная! Вот погуляю немножко и снова стану думать.

Я закрыла задачник и выглянула в окно. Во дворе гуляла одна Люська. Она прыгала в классики. Я вышла во двор и села на лавочку. Люська на меня даже не посмотрела.

– Серёжка! Витька! – закричала сразу Люська. – Идёмте в лапту играть!

Братья Кармановы выглянули в окно.

– У нас горло, – хрипло сказали оба брата. – Нас не пустят.

– Лена! – закричала Люська. – Лен! Выходи!

Вместо Лены выглянула её бабушка и погрозила Люське пальцем.

– Павлик! – закричала Люська.

В окне никто не появился.

– Пе-еть-ка-а! – надсаживалась Люська.

– Девочка, ну что ты орёшь?! – высунулась из форточки чья-то голова. – Больному человеку отдохнуть не дают! Покоя от вас нет! – И голова всунулась обратно в форточку.

Люська украдкой посмотрела на меня и покраснела как рак. Она подёргала себя за косичку. Потом сняла с рукава нитку. Потом посмотрела на дерево и сказала:

– Люсь, давай в классики.

– Давай, – сказала я.

Мы попрыгали в классики, и я пошла домой решать свою задачу.

Только я села за стол, пришла мама:

– Ну, как задачка?

– Не получается.

– Но ведь ты уже два часа над ней сидишь! Это просто ужас что такое! Задают детям какие-то головоломки!.. Ну, давай показывай свою задачку! Может, у меня получится? Я всё-таки институт кончала... Так... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Постой, постой, что-то эта задача мне знакома!.. Послушай, да ведь вы её в прошлый раз вместе с папой решили! Я прекрасно помню!

– Как? – удивилась я. – Неужели?.. Ой, правда, ведь это сорок пятая задача, а нам сорок шестую задали.

Тут мама страшно рассердилась.

– Это возмутительно! – сказала мама. – Это неслыханно! Это безобразие! Где твоя голова? О чём она только думает?!

«Привет с далёкого севера!»

– Выделим в словах приставки и суффиксы, – сказала Вера Евстигнеевна. – Приставки будем выделять волнистыми чёрточками, а суффиксы прямыми...

Я сидела и смотрела на доску. Рядом Люська с умным видом писала что-то в тетрадке.

Мне было скучно. Приставки – суффиксы, суффиксы – приставки... За окном замяукала кошка. Интересно, чего она мяукает? На хвост ей наступили, что ли?.. Приставки – суффиксы, суффиксы – приставки... Скучища!

– Возьмите карандаши и подчёркивайте, – сказала Вера Евстигнеевна.

Я взяла карандаш, поглядела на Люську и, вместо того чтобы подчёркивать, написала на промокашке:

Здравствуйте высокая уважаемая Людмила
Ивановна!

Люська старательно выделяла в тетрадке суффиксы и приставки. Делать ей нечего! Я стала писать дальше.

Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга
Людмила Семёновна. Привет с далёкого Севера!

Люська покосилась на мою промокашку и снова принялась выделять приставки.

...Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя очень умный и замечательный. Я просто влюбилась в него с первого взгляда! Он у вас такой талантливый, прямо ужас! Он у вас сочиняет книжки для детей, потому что он у вас писатель. А ваш сын Серёжа – дворник. Потому что он хоть и красивый, а бестолковый. Он плохо учился, и его выгнали из института.

Люська бросила беспокойный взгляд на мою промокашку. Её, видно, тревожило, что я такое там пишу?

...А ваш муж Синдибобер Филимондрович очень злой. Он весь седой, и ходит с длинной бородой, и бьёт вас палкой, и мне вас ничуть не жалко!

Тут я прыснула, и Люська снова недовольно на меня покосилась.

...А сами вы тоже уже старая тётенька. Вы толстая, как бочка, и худая, как скелет, и у вас спереди одного зуба нет.

Тут я прямо давиться стала от смеха. Люська посмотрела на меня с ненавистью.

...А у нас всё по-прежнему. Мы живём от вас далеко, и по вас не скучаем, и никаких приставок и суффиксов не замечаем. Это всё мура и ерунда, и не хочется нам этого учить никогда!

– Та-а-ак... – услышала я вдруг за спиной и похолодела. Рядом со мной неизвестно откуда выросла фигура Веры Евстигнеевны!

Я быстро прикрыла промокашку руками.

– Та-а-ак. Весь класс занимается, а Синицына, как всегда, увлечена посторонним делом. Дай-ка сюда то, что ты пишешь! Быстрее, быстрее!

Я уже успела скомкать промокашку, но рука Веры Евстигнеевны повелительно протянулась... Вера Евстигнеевна вынула промокашку из моей вспотевшей ладони и развернула её.

– Интересно, чем это мы занимаемся на уроках?

Учительница разгладила промокашку и, слегка откинув назад голову, стала читать:

– «Здравствуйте высокая уважаемая Людмила Ивановна!...»

Класс насторожился.

– Между прочим, перед обращением ставится запятая, – ледяным голосом сообщила Вера Евстигнеевна. – «...Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга Людмила Семёновна...»

Класс тихо захихикал.

– «Привет с далёкого Севера!» – с невозмутимым лицом произнесла Вера Евстигнеевна.

Класс захохотал. Я не знала, куда провалиться. А Вера Евстигнеевна читала громко и отчётливо:

– «Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя...»

С классом творилось что-то невообразимое.

А учительница читала дальше. К моему ужасу, она не пропускала ни одного слова! Она читала очень спокойно, только всё сильнее и сильнее откидывала назад голову, только брови её ползли выше и выше:

– «...и его выгнали из института. А ваш муж Си... Синди...» Как? Тут что-то непонятное...

– Синдибобер, – тихо сказала я. С моими ушами творилось что-то страшное. От них всей моей голове было горячо и неприятно.

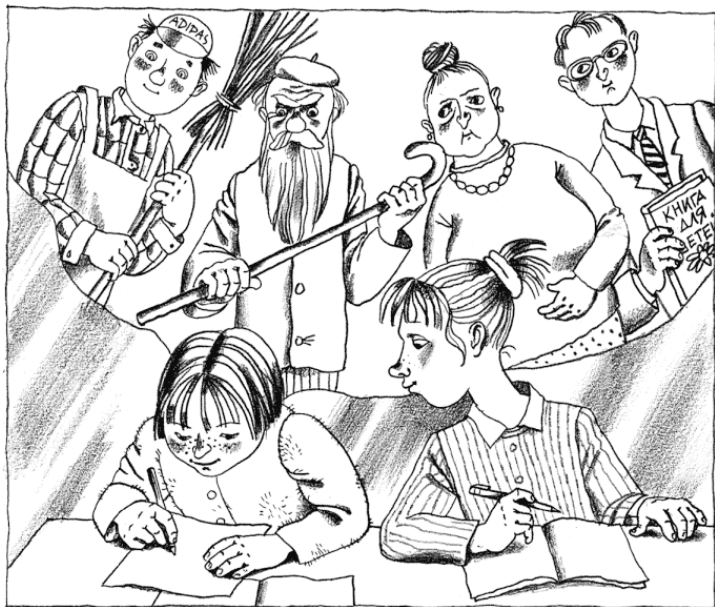
– Ка-а-ак?!

Класс на секунду замер.

– Синдибобер, – повторила я. – Синдибобер Филимондрович...

И тут класс как будто взорвался. Все захохотали в полный

голос. Как сумасшедшие!

Валька Длиннохвостова, которая сидела слева от меня, вся красная как рак, тоненько и пронзительно визжала. Иванов, выпучив глаза и раскрыв рот, катался по парте. А толстый Бураков от смеха прямо повалился с парты, как мешок.

Одна Вера Евстигнеевна не смеялась.

– Встань, Бураков! – приказала она. – Не вижу ничего смешного! И вообще, прекратите шум в классе!

Бураков сейчас же вскочил. Хохот смолк, как по команде.

В полной тишине учительница дочитала мою промокашку.

Теперь все ждали, что будет дальше. Одна Длиннохвостова всё ещё давилась смехом за соседней партой.

– Ну что же, – сказала учительница. – Теперь мне всё ясно. Я всегда подозревала, Синицына, что для тебя приставки и суффиксы «мура и ерунда». И не только приставки и суффиксы!

Класс снова насторожился. Сима Коростылёва с открытым ртом слушала каждое слово Веры Евстигнеевны и переводила взгляд с меня на неё и обратно.

– Выходит, я была права... Ну что же... Раз это так, раз учёба для тебя, по твоему собственному выражению, «мура и ерунда», придётся поступить с тобой, как с тем Серёжей, которого за плохую успеваемость выгнали из института, и освободить тебя от занятий в школе!

Общий вздох, похожий на вздох ужаса, пронёсся по классу. Дело принимало серьёзный оборот...

– Да, Синицына, я допустила ошибку. Я полагала, что ты стала учиться хуже потому, что тебе трудно, потому что ты много болела и пропустила, а что же оказывается?... Оказывается, тебе просто «не хочется этого учить никогда»! Встань, когда с тобой разговаривает учитель!

Я стояла перед Верой Евстигнеевной. Слёзы падали у меня из глаз и тихо стукались о чёрную крышку парты.

– Что же ты молчишь? И зачем ты плачешь? – сказала Вера Евстигнеевна. – Не хочешь учиться, забирай портфель

и уходи. По крайней мере, не будешь отвлекать от занятий тех, кто учиться хочет. В частности, свою подругу, с которой ты могла бы брать пример! Ты свободна. Иди, Синицына.

В классе стояла гробовая тишина. Такая, что отчётливо слышалось шлёпанье моих слёз о мокрую парту.

– Вера Евстигнеевна, я больше не буду, – прошептала я. – Можно мне остаться?

– Нет, – твёрдо сказала Вера Евстигнеевна. – Передай своим родителям, пусть завтра придут в школу.

– А я?..

– А ты можешь не приходить.

Я собирала портфель. Руки мои дрожали. Люська смотрела на меня вытаращенными от ужаса глазами.

– Это можешь оставить себе, – сказала Вера Евстигнеевна.

Я сунула злополучную промокашку в портфель и медленно поплелась к дверям.

Все провожали меня глазами. Все сидели и молчали.

Больше они меня никогда не увидят.

Представляю, как они радуются: «Мало ей! Так ей и надо!»

Все, все радуются. Никому до меня нет никакого дела. Ни Иванову! Ни Длиннохвостовой! Ни Люське! Ни даже Коле Лыкову!

Вон они все сидят и молчат. И завтра даже не вспомнят меня! Даже не вспомнят!

Я взялась за ручку двери и медленно потянула её на се-

бя...

И вдруг за моей спиной в полной тишине грохнула крышка парты, и с места вскочил Коля Лыков. Лицо у него было красное.

– Вера Евстигнеевна! – заикаясь, крикнул он. – Разрешите, пожалуйста, Синицыной остаться! Она не будет б-б-больше писать на уроках писем! Ч-ч-честное слово, не будет!

– Вера Евстигнеевна, она правда больше не будет! – слышался писклявый голос с последней парты, и я увидела, как над партой в дальнем углу класса повисла тощая фигура Ирки Мухиной, жуткой вредины и воображалы. – Она не нарочно! Это она по глупости написала, Вера Евстигнеевна!

– Конечно, по глупости! – подхватила Сима Коростылёва. – Вера Евстигнеевна, по глупости! Честное слово!

– Да дура она, чего там говорить! – кричал Иванов. – Только не надо её выгонять! Она хоть и дура, а не надо!

– Не надо! Не надо! – закричали все. – Не надо её выгонять!

Я стояла около двери. Я не знала, что мне делать. Они кричали со всех сторон. Они не хотели, чтобы меня выгоняли! И моя Люська, моя вредная Люська, кричала громче всех:

– Вера Евстигнеевна, она больше не будет! Простите её, пожалуйста! Простите её! Простите!

Вера Евстигнеевна с каким-то удивлением глядела на класс. Она переводила взгляд с Иванова на Длиннохвостову, с Длиннохвостовой на Коростылёву, с Коростылёвой на

Колю Лыкова, и на лице её проступало странное выражение. Как будто ей хотелось улыбнуться, но она изо всей силы сдерживалась, и делала строгое лицо, и хмурила брови...

– Вот оно что! – медленно сказала она. – Значит, вы не хотите, чтобы я Сеницыну выгоняла?

– Не хотим! Не хотим! – закричали все. И даже ленивый Бураков разжал толстые губы и басом произнёс:

– Не хотим!

– Ну, а как же нежелание Сеницыной учиться?

– Это она пошутила! Это она просто так!

– «Просто так»? – нахмурилась Вера Евстигнеевна. И тут снова вперёд выступил Коля Лыков.

– Вера Евстигнеевна, – сказал он, – Сеницына действительно учиться неважно. Но обещаю вам как звеньевой, я сделаю всё, чтобы она стала учиться хорошо!

– Ах, так?.. Ты это обещаешь, Коля?..

Вера Евстигнеевна на секунду задумалась.

– Ну что же... Если ты мне это обещаешь... И потом, я не могу не считаться с мнением класса. Ладно, Сеницына. Садись на своё место. Но смотри, Коля Лыков за тебя поручился. Не подведи своего товарища!

И я пошла обратно.

Я весь урок слушала учительницу. Я прямо глаз с неё не сводила. Приставки и суффиксы я подчёркивала так, что чуть не продавила насквозь тетрадь.

И вот прозвенел звонок.

Вера Евстигнеевна собрала тетрадки, взяла классный журнал и пошла в учительскую.

И тут весь класс окружил меня плотной стеной.

– Ну, Сеницына, ты дала! – сказал Иванов. – Как там у тебя про Костю?

– «Ваш Костя умный и замечательный», – сказала Сима Коростылёва.

– «И я в него влюбилась», – захихикала Валька Длиннохвостова. – Ой, не могу! Не могу!

– А как про Серёжу-дворника? Его из института выгнали, да? Здорово! Люська, а откуда ты всё это взяла? В книжке прочла?

– А этот-то... как его... Синдибобер Филимондрович? Злой, с седой бородой, дерётся палкой... Ой, не могу! Умираю!

– А про Косицыну-то как! Про Косицыну! Что она худая, как скелет, и у неё зуба спереди нет! Люська, а ну-ка, открой рот!

– Ну и глупо! – сказала Люська. – И ничего смешного нет. Тоже мне, подруга называется! Да у неё, может, двух зубов не хватает. Это ещё не значит, что я об этом всему классу должна докладывать!

«Как провожают пароходы...»

Было утро. Было воскресенье. Мы с Колей сидели на дереве. На большой раскидистой ветке. Мы ели хлеб с вареньем и болтали ногами. Над нами важно проплывали толстые белые облака, а солнце светило изо всех сил, и макушка у меня стала горячая, как печка.

— Коль, давай каждый день по деревьям лазить! Утром будем залезать, а вечером слезать. И обедать будем на дереве, и уроки учить, а в школу ходить не будем.

— Давай. Я высоту люблю. Обязательно лётчиком стану, когда вырасту.

— Коль, а мне кем стать?

— Артисткой. Ты поёшь здорово.

— Правда, Коль?! Честное слово, я хорошо пою?

— Мне нравится. Вот ты вчера во дворе пела «Как провожают пароходы», а я сидел дома и слушал. Я даже радио включил.

— А хочешь, я сейчас спою?

— Давай.

И я запела:

Как провожают пароходы-ы,

Совсем не так, как поезда-а-а...

Я ужасно старалась. Украдкой я посматривала на Колю. У Коли было задумчивое и серьёзное лицо. Он смотрел вдаль. Может быть, он думал о том, как станет лётчиком, когда вырастет.

Вода, вода, —
Кругом вода... —

пела я.

И вдруг я услышала:

— Эй, Люська, где ты?

Под деревом стоял Павлик Иванов.

Мы с Колей замерли. От этого Иванова только и жди неприятностей! Ведь он всем разболтает, что мы на дерево залезли. И достанется же нам тогда от родителей! И во дворе станут дразнить «жених и невеста»...

Иванов походил вокруг песочницы, поглядел по сторонам.

— Люська! — заорал он. — Выходи! Я тебя нашёл! Ты в подвале сидишь!

В это время из подъезда вышла моя Люська.

— С чего это ты решил, что я в подвале сижу? — удивилась Люська.

— Да не ты! — сказал Павлик Иванов. — Тут Синицына где-то спряталась и оттуда поёт. Давай её искать?

— Вот ещё! — сказала Люська. — Сама отыщется... И по-

том, разве она умеет петь? Пищит, как цыплёнок. Слушать противно!

– Всё-таки странно, – сказал Павлик. – Где же она? Я слышал её голос где-то рядом.

– Да что ты заладил – «её голос, её голос»! Только и слышу со всех сторон: «Ах, какой у Синицыной голос! Ах, как Синицына хорошо поёт!...» Да если хочешь знать, это я её всем песням научила!

Это было такое враньё, что я чуть с дерева не свалилась.

– Спокойно! – сказал Коля. – Не волнуйся, а то они нас увидят.

– И вообще у неё слуха нет, – сказала Люська. – Ты даже не представляешь, как я с ней измучилась, пока я её научила петь «Как провожают пароходы».

– Не ври, Люська, – не выдержала я. – Как не стыдно врать!

– Ага! – сказал Павлик. – Она точно где-то здесь!

Люська завертела головой во все стороны.

– Ну вот, я пошутила, а ты уж и поверил, – сказала она громким голосом. – «Как провожают пароходы» – это она меня научила. И «Ладу», и «Русское поле». А зато я её арию Ленского научила петь. А арию Ленского в сто раз интересней петь, чем «Русское поле»! И пусть не воображает, что лучше всех поёт. Подумаешь, певица нашлась!

Она потянулась.

– Вчера Сергей Фёдорович приехал, – сказала она всё так же громко. – Привёз мне во-от такой арбуз! И груши во-от такие! И сегодня мы с ним идём на балет «Доктор Айболит». Сейчас надену своё синее платье, туфли надену новые

– красные, с дырочками – и пойдём.

И она ушла. Павлика позвали, и он тоже ушёл. Мы с Колей слезли с дерева.

Всё обошлось хорошо. Никто нас не видел. Никто не ругал. Я даже почти не поцарапалась. Солнце светило так же ярко. Облака были такие же белые. И было тепло. И было ещё утро. И было воскресенье. Но настроение у меня было испорчено.

– Она пошла смотреть «Доктора Айболита», – сказала я. – А я так давно мечтала о «Докторе Айболите»!

– Люсь, – сказал Коля, – ты ведь не кончила. Спой дальше, а!

– И туфли у неё новые...

Я посмотрела на свои потрескавшиеся сандалии.

– Люсь, ну спой, пожалуйста.

– И ей привезли арбуз. Всё-таки несправедливо. Почему всё ей?

– Ты будешь петь дальше? – сказал Коля.

– И груши, – сказала я. И мне захотелось плакать.

Тут Коля посмотрел на меня как-то странно.

– Ну ладно, я пойду, – вдруг сказал Коля. – Ты меня, пожалуйста, извини. Меня ждёт мама.

Он повернулся и пошёл.

– Коль!

Он не остановился. Он шёл к подъезду. Ну и пусть! Много о себе думает! Что я такого сказала? Ну что?

Коля уходил. Я знала, почему он уходит. Колина спина мелькнула на площадке второго этажа. Я знала, знала, почему он уходит!

– Постой! – крикнула я и побежала его догонять.

Я догнала его только на третьем этаже.

– Коль! – забормотала я. – Подожди! Ну подожди, пожалуйста! Я... я хочу тебе одну загадку загадать. Знаешь, какая загадочка отличная! Ни за что не отгадаешь. Правда-правда! Вот послушай... А и Б сидели на трубе. А упало, Б пропало, кто остался на трубе?

– Знаю я эту загадку, – хмуро сказал Коля.

– Коль, – сказала я. – Ты не думай!.. Не думай... Честное слово, я не такая! Я прямо сама не знаю, что на меня нашло! Подумаешь – туфли! Да у меня ведь есть новые туфли! И арбуз – ерунда! Мой папа сколько хочешь таких арбузов может привезти... И груши...

Мы спустились с лестницы и вышли во двор.

– А ты всё-таки спой, – сказал Коля, – ведь ты не кончила.

И я запела:

Как провожают пароходы-ы,

Совсем не так, как поезда-а-а...

В окне в своём новом платье стояла Люська. Она ела грушу.

Весенний дождь

Не хотелось мне вчера учить уроки. На улице было такое солнце! Такое тёплое жёлтенькое солнышко! Такие ветки качались за окном!.. Мне хотелось вытянуть руку и дотронуться до каждого клейкого зелёного листика. Ох, как будут пахнуть руки! И пальцы слипнутся вместе – не отдерёшь друг от друга... Нет, не хотелось мне учить уроки.

Я вышла на улицу. Небо надо мной было быстрое. Куда-то спешили по нему облака, и ужасно громко чирикали на деревьях воробьи, и на лавочке грелась большая пушистая кошка, и было так хорошо, что весна!

Я гуляла во дворе до вечера, а вечером мама с папой ушли в театр, и я, так и не сделав уроков, легла спать.

Утро было тёмное, такое тёмное, что вставать мне совсем не хотелось. Вот так всегда. Если солнышко, я сразу вскакиваю. Я одеваюсь быстро-быстро. И кофе бывает вкусный, и мама не ворчит, и папа шутит. А когда утро такое, как сегодня, я одеваюсь еле-еле, мама меня подгоняет и злится. А когда я завтракаю, папа делает мне замечания, что я криво сижу за столом.

По дороге в школу я вспомнила, что не сделала ни одного урока, и от этого мне стало ещё хуже. Не глядя на Люську, я села за парту и вынула учебники.

Вошла Вера Евстигнеевна. Урок начался. Сейчас меня

вызовут.

– Синицына, к доске!

Я вздрогнула. Чего мне идти к доске?

– Я не выучила, – сказала я.

Вера Евстигнеевна удивилась и поставила мне двойку.

Ну почему мне так плохо живётся на свете? Лучше я возьму и умру. Тогда Вера Евстигнеевна пожалеет, что поставила мне двойку. А мама с папой будут плакать и всем говорить: «Ах, зачем мы сами ушли в театр, а её оставили совсем одну!»

Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руки сунули записку. Я развернула узкую длинную бумажную ленточку и прочла:

Люся!

Не отчаивайся!!!

Двойка – это пустяки!!!

Двойку ты исправишь!

Я тебе помогу!

Давай с тобой дружить!

Только это тайна!

Никому ни слова!!!

Яло-Кво-Кыл.

В меня сразу как будто что-то тёплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась. Люська посмотрела на меня,

потом на записку и гордо отвернулась.

Неужели это мне кто-то написал? А может, эта записка не мне? Может, она Люське? Но на обратной стороне стояло: ЛЮСЕ СИНИЦЫНОЙ.

Какая замечательная записка! Я в жизни таких замечательных записок не получала! Ну конечно, двойка – это пустяки! О чём разговор! Двойку я запросто исправлю!

Я ещё раз двадцать перечла:

«Давай с тобой дружить...»

Ну конечно! Конечно, давай дружить! Давай с тобой дружить!!! Пожалуйста! Очень рада! Я ужасно люблю, когда со мной хотят дружить!

Но кто же это пишет? Какой-то ЯЛО-КВО-КЫЛ. Непонятное слово. Интересно, что оно обозначает? И почему этот ЯЛО-КВО-КЫЛ хочет со мной дружить?.. Может быть, я всё-таки красивая?

Я посмотрелась в парту. Ничего красивого не было.

Наверное, он захотел со мной дружить, потому что я хорошая. А что, я плохая, что ли? Конечно, хорошая! Ведь с плохим человеком никто дружить не захочет!

На радостях я толкнула локтем Люську.

– Люсь, а со мной один человек хочет дружить!

– Кто? – сразу спросила Люська.

– Я не знаю. Тут как-то непонятно написано.

– Покажи, я разберу.

– Честное слово, никому не скажешь?

– Честное слово!

Люська прочла записку и скривила губы:

– Какой-то дурак написал! Не мог своё настоящее имя сказать.

– А может, он стесняется?

Я оглядела весь класс. Кто же мог написать записку? Ну кто?.. Хорошо бы, Коля Лыков! Он у нас в классе самый умный. Все хотят с ним дружить. Но ведь у меня столько троек! Нет, вряд ли он.

А может, это Юрка Селиверстов написал?.. Да нет, мы с ним и так дружим. Стал бы он ни с того ни с сего мне записку посылать!

На перемене я вышла в коридор. Я встала у окна и стала ждать. Хорошо бы, этот ЯЛО-КВО-КЫЛ прямо сейчас же со мной подружился!

Из класса вышел Павлик Иванов и сразу направился ко мне.

Так, значит, это Павлик написал? Только этого ещё не хватало!

Павлик подбежал ко мне и сказал:

– Синицына, дай десять копеек.

Я дала ему десять копеек, чтобы он поскорее отвязался. Павлик тут же побежал в буфет, а я осталась у окна. Но больше никто не подходил.

Вдруг мимо меня стал прогуливаться Бураков. Мне показалось, что он как-то странно на меня взглядывает. Он оста-

новился рядом и стал смотреть в окно. Так, значит, записку написал Бураков?! Тогда уж лучше я сразу уйду. Терпеть не могу этого Буракова!

– Погода ужасная, – сказал Бураков.

– Жуткая погода, – сказала я.

Тут Бураков вынул из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

– Бураков, дай откусить, – не выдержала я.

– А оно горькое, – сказал Бураков и пошёл по коридору.

Нет, записку не он написал. И слава богу! Второго такого жадины на всём свете не найдёшь!

Я презрительно посмотрела ему вслед и пошла в класс.

Я вошла и обомлела. На доске огромными буквами было написано:

ТАЙНА!!! ЯЛО-КВО-КЫЛ + СИНИЦЫНА = ЛЮБОВЬ!!! НИКОМУ НИ СЛОВА!

В углу шушукалась с девчонками Люська. Когда я вошла, они все уставились на меня и стали хихикать.

Я схватила тряпку и бросилась вытирать доску.

Тут ко мне подскочил Павлик Иванов и зашептал в самое ухо:

– Это я тебе написал записку.

– Врёшь, не ты!

Тогда Павлик захохотал как дурак и заорал на весь класс:

– Ой, умора! Да чего с тобой дружить?! Вся в веснушках, как каракатица! Синица дурацкая!

И тут, не успела я оглянуться, как к нему подскочил Юрка Селиверстов и ударил этого болвана мокрой тряпкой прямо по башке. Павлик взвыл:

– Ах, так! Всем скажу! Всем, всем, всем про неё скажу, как она записки получает! И про тебя всем скажу! Это ты ей записку послал! – И он выбежал из класса с дурацким криком: – Яло-кво-кыл!

Уроки кончились. Никто ко мне так и не подошёл. Все быстро собрали учебники, и класс опустел. Одни мы с Колей Лыковым остались. Коля всё никак не мог завязать шнурок на ботинке.

Скрипнула дверь. Юрка Селиверстов всунул голову в класс, посмотрел на меня, потом на Колю и, ничего не сказав, ушёл.

А вдруг? Вдруг это всё-таки Коля написал? Неужели Коля? Какое счастье, если Коля! У меня сразу пересохло в горле.

– Коль, скажи, пожалуйста, – еле выдавила я из себя, – это не ты, случайно...

Я не договорила, потому что вдруг увидела, как Колины уши и шея заливаются краской.

– Эх, ты! – сказал Коля, не глядя на меня. – Я думал, ты... А ты...

– Коля! – закричала я. – Так ведь я...

– Болтушка ты, вот кто, – сказал Коля. – У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу. Ещё чего не хватало!

Коля наконец справился со шнурком, встал и вышел из класса. А я села на своё место.

Никуда я не пойду. За окном идёт такой ужасный дождь. И судьба моя такая плохая, такой плохая, что хуже не бывает! Так и буду сидеть здесь до ночи. И ночью буду сидеть. Одна в тёмном классе, одна во всей тёмной школе. Так мне и надо!

Вошла тётя Нюра с ведром.

– Иди, милая, домой, – сказала тётя Нюра. – Дома мамка заждалась.

– Никто меня дома не заждался, тётя Нюра, – сказала я и поплелась из класса.

Плохая моя судьба! Люська мне больше не подруга. Вера Евстигнеевна поставила мне двойку. Коля Лыков... Про Колю Лыкова мне и вспоминать не хотелось.

Я медленно надела в раздевалке пальто и, еле волоча ноги, вышла на улицу.

На улице шёл замечательный, лучший в мире весенний дождь!

По улице, задрав воротники, бежали весёлые мокрые прохожие!

А на крыльце, прямо под дождём, стоял Коля Лыков.

– Пошли, – сказал он. И мы пошли.

Старичок в клетчатых брюках

Часть первая Тефтеля

Глава 1 Хорошо быть писателем!

– Ах, – скажу я вам, – хорошо быть писателем! Пишешь себе, пишешь!.. Сидишь в удобном кресле, на столе баночка с авторучками. Надоест одной авторучкой писать – берёшь другую. Надоест первую главу сочинять – сочиняешь третью. А не хочешь сочинять – сиди себе, гляди в окно!

Вот писатель сидит за письменным столом и глядит в окно.

В окне он видит сплошную пелену снега, и ничего больше.

Учтите, дорогие читатели, это первый снег. Деревья ещё покрыты листьями, стоят почти зелёные, а уж крыши и дорожки совсем побелели...

И хотя писатель сидит в тёплой комнате, в тёплых шерстяных носках, ему грустно. Кончилось лето и теперь не скоро начнётся.

Но писатели народ хитрый! Нету лета – пустяки, лето будет!

Возьмёт писатель ручку и напишет: «Было тёплое летнее утро...»

И сразу настанет лето!

И утро!

И зелёные акации раскинут во все стороны цветущие руки, и будут в них биться и трепетать маленькие круглые блики солнца!

А по асфальтовой дорожке, по тёплой, серой, усыпанной сквозной тенью дорожке между двумя пятиэтажными домами, пойдёт, гулко постукивая каблуками, молодая девушка... Синие джинсы марки «Леви-Страусс», ситцевая кофточка в голубой горошек, полотняная сумка с портретом кубинского бородача через плечо.

Девушка кивнёт видному общественнику двора Дмитрию Ферапонтовичу Волкову, поливающему из лейки клумбу с прозрачными нарциссами, улыбнётся лифтёрше тёте Кате, обогнёт стайку воркующих голубей... Но тут неожиданно дорогу ей преградит чья-то расставленная прямо на тротуаре мебель, и она увидит сидящего под торшером в кресле серьёзного белобрысого мальчишку с авоськой на коленях и услышит орущего из авоськи дурным голосом толстого белого кота.

Девушка усмехнётся, а может быть, даже и засмеётся при виде такой странной картины. Мальчишка же страшно скон-

фузится, вскочит, одной рукой прижмёт к груди кота в авоське, другой – схватит огромную клетчатую сумку, распухшую от тарелок, кастрюль, сковородок и прочей кухонной утвари, и, карябая дном сумки о землю, поволочёт её к подъезду.

– Осторожнее, Павлик! – вскрикнет невысокая светлоглазая женщина, мама мальчика (назовём её Марина Сергеевна). – Смотри не разбей! Там польский сервиз!

– Кто такие? – строго спросит Дмитрий Ферапонтович у лифтёрши тёти Кати.

– А жильцы новые! – обрадуется тётя Катя. – С Агафоновыми переменялись! Сразу видать – культурные, пианино привезли!

– Так-так, – строго скажет Дмитрий Ферапонтович и поправит на голове соломенную шляпу. – Как фамилия-то?

– А не знаю я! – беспечно откликнется тётя Катя. – Не сообщили! Может, Петровы, а может, Ивановы!

– Так-так, – строго покачает головой Дмитрий Ферапонтович. – А между прочим, знать надо! – И примется рыхлить тяпкой тёплую чёрную землю между нарциссами.

...А сверху будет сиять и смеяться солнце.

И по голубому-голубому небу будут бежать толстенные, пухлые облака.

И с этого радостного летнего утра начнётся длинный, полный хлопот, июньский день, а вместе с ним и наша книжка.

Глава 2

Имя нашего героя

Для ясности сразу скажем вам, милые наши читатели, что лифтерша тётя Катя не угадала фамилию новых жильцов. Она оказалась не Ивановы и вовсе даже не Петровы, а Помидоровы.

Итак, мы решили вот что – Павлик Помидоров и будет нашим героем!

Павлик Помидоров... Звучит неплохо, а? Или фамилия Помидоров кажется вам немного смешной? Ну и пусть, что ж поделаешь, фамилии-то люди не выбирают! У одного, скажем, фамилия Виноградов, а у другого – Пупков, не в этом дело, человек был бы хороший, правда? А там Пупков, Виноградов – какая разница! Впрочем, действительно иногда странные фамилии случаются на свете! Попугаев-Говорливый, например. Или Башмак-Перевертуев... Но это в данном случае к делу отношения не имеет.

Итак, знакомьтесь – Павлик Помидоров.

Мальчик как мальчик. Ничего особенного. Не слишком красивый, но и не урод. Даже вполне, на наш взгляд, симпатичный.

Не худой, но и нельзя сказать, чтобы толстый.

Щёки, правда, довольно круглые, румяные.

Глаза серые, в крапинку.

Ресницы прямые, рыжеватые, немного похожие, как у маленьких телят бывают.

Брови светлые.

Росту невысокого.

Вот вроде бы и всё. Ничего необычного нет. Краснеет, правда, часто, и взгляд несколько задумчивый, но это опять-таки ни о чём не говорит. Да и вообще, сами знаете, разве можно по внешности судить о человеке? Давайте посмотрим, как наш Павлик поведёт себя, вот и узнаем, что он за человек.

Глава 3

«Какой чудный мальчик!»

С отвращением втаскивал Павлик на четвёртый этаж кота и стопудовую сумку.

Кот извивался в авоське, как щука в неводе, и выл, как гиена в зоопарке. Сумка тарахтела и скрежетала, как танк.

Из-за спины Павлика доносились сопенье, пыхтенье и запах табака и пыльных ватников: двое грузчиков с лицами разбойников тащили на верёвках старое дедушкино пианино.

– Ах, прошу вас, не царапайте крышку! – волновалась Марина Сергеевна. – Как вы не понимаете – это «Шредер», красное дерево!

Грузчики не понимали. Пианино стонало, всхлипывало и тихо жаловалось где-то в своей тёмной серёдке.

В подъезде пахло тушёной капустой. На светло-зелёной стене Павлик прочёл нацарапанные кем-то слова «Привет от старых штиблет».

– Господи, до чего же я переезды ненавижу! – яростно бормотала Марина Сергеевна, волоча позади Павлика швейную машинку «Зингер». – Прямо не машинка, а слон какой-то! И лифт, конечно, не работает!

Наверху гулко хлопнула дверь, кто-то запрыгал по лест-

нице, и перед потным от натуги семейством Помидоровых вырос высокий парнишка в яркой полосатой майке.

Парнишка остановился, скользнул по Павлику насмешливым взглядом, подскочил к Марине Сергеевне:

– Разрешите! – И не успела растерявшаяся Марина Сергеевна, что называется, и рта раскрыть, как паренёк легко, будто пёрышко, схватил машинку, в три скачка внёс на лестничный пролёт, улыбнулся, перелетел ещё десять ступеней и скрылся на следующем этаже.

– Боже, какие бывают дети! – прошептала, блестя от восторга глазами, Марина Сергеевна. – Павлик, ты видел что-нибудь подобное?

– А что такого? – сказал Павлик. – Ничего особенного! Подумаешь!

Но Марина Сергеевна не могла успокоиться. И даже на следующий день, и ещё на следующий, и ещё два дня спустя, развешивая в новой квартире занавески, расставляя столы, стулья и жаря в кухне котлеты, она вспоминала мальчика в подъезде и ставила его Павлику в пример.

– Какой мальчик! – говорила она. – Какой чудный ребёнок! С первого взгляда видно – умный, подтянутый, целеустремлённый! Наверняка спортом занимается!.. Вот бы тебе, сынок, с кем подружиться! Вот с кого пример брать!

Глава 4

Можно начинать новую жизнь

Трудно переезжать на новую квартиру. Трудно перетаскивать тяжёлые вещи. Но ещё труднее расставлять их на новых местах. Ни вещи ещё не знают своих мест, ни места своих вещей. Возишь-возишь взад-вперёд какой-нибудь книжный шкаф или кресло-кровать... Примеряешь то тут, то там...

Одну тумбочку мать и сын Помидоровы раз десять таскали туда-сюда, нигде она не могла приткнуться. Наконец облюбовала себе место у окна, а за ней и другие вещи вдруг выстроились по квартире в чётком порядке.

Через два дня можно было жить, и жить спокойно. Шкафы, кровати и стулья были расставлены, на крючках в ванной развешены полотенца, на окнах — занавески, на стенах — географическая карта, два эстампа, изображающие цветы в вазах, и репродукция картины «Морской бой» художника Айвазовского.

По новой квартире плавало солнце.

В комнате Павлика оно отражалось в полированной коричневой крышке нового письменного стола, трогало тёплыми руками яркий голубой глобус и мягко прикасалось к небольшому, сшитому из ситца и туго набитому чем-то мешочку, лежавшему на ослепительно белом подоконнике.

Павлик крутанул рукой глобус (он весело завертелся на

чёрной ножке!), подышал на блестящую крышку стола (она засверкала ещё ослепительнее), прошёлся в носках по натёртому полу и вздохнул от избытка чувств.

Теперь у него была своя собственная комната, свой собственный письменный стол, книжная полка, красная деревянная табуретка и даже своё собственное, выходящее во двор, окно.

«Ура!» – мысленно воскликнул Павлик и выглянул во двор.

Под окном он увидел скверик, в скверике – деревянную крашеную песочницу, голубую детскую горку с поломанными ступенями, турник, клумбу и пять зелёных лавочек.

Эта картина Павлику понравилась.

«Что ж! – сказал себе Павлик. – Квартира у нас отличная, двор тоже. Можно начинать новую жизнь!»

Глава 5

Павлик решает вести дневник

Да, так сказал себе Павлик. Так именно и подумал: «Можно начинать новую жизнь!»

Это часто бывает с людьми, когда они переезжают на новую квартиру или уезжают в другой город. Им кажется в таких случаях, что жизнь начнётся совсем новая, не такая, какая раньше была.

А вы не замечали, с чего люди часто начинают новую

жизнь, или как им кажется – новую?

Они заводят дневник. Хотят записывать все события, все интересные случаи, которые произойдут с ними в этой новой, совсем не похожей на прежнюю, жизни.

Вот и наш герой Павлик Помидоров решил сделать то же самое.

Глава 6

Начало дневника

Итак, Павлик ещё разок с удовольствием оглядел свою комнату, взял тридцать копеек, вышел на улицу и решительно направился к книжному киоску.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо обратился он к продавщице, – у вас продаются толстые тетрадки?

– А тебе зачем? – спросила продавщица и, как показалось Павлику, хитро и пристально на него посмотрела.

«Догадалась!» – подумал Павлик, страшно сконфузился и забормотал:

– Мне... да мне так, наблюдения за погодой записывать!

– Наблюдения за погодой? – добродушно улыбнулась продавщица. – Молодец, мальчик, хорошее дело придумал. На, держи! И вот тебе ещё стерженёк, пиши на здоровье.

Павлик взял толстую тетрадку в красном клеёнчатом переплёте и синий стерженёк и пошёл, радостно подпрыгивая, домой.

Дома он первым делом закрыл дверь на задвижку, потом сел за стол, раскрыл тетрадь и аккуратно вывел на первой разлинованной в клеточку странице большими печатными буквами слово: «Дневник».

Откинул голову, полюбовался. И, высунув от усердия язык, написал под большими буквами маленькие: «Совершенно секретно».

Подумал. Исправил ошибку, поставил восклицательный знак и скобки... Вышло:

ДНЕВНИК

(совершенно секретно!)

Павлик остался доволен, перевернул страничку и стал писать маленькими неровными буквами.

7 июня.

Ура! Мы переехали! Хорошо свою комнату иметь! Я теперь запрусь и придумаю! Да! А то раньше только начнёшь думать, а мама пол подметать велит. Я такое придумаю – Люська ахнет! Я ей докажу! А то она говорит, счастливая, мол, Нинка Петрова: у неё троюродный брат утопающего спас. Ну и что? И я бы спас! Я бы не побоялся, честное слово! И Люська Косицына, говорит, счастливая. У неё брат ка-

питан футбольной команды. Ну, футбол, я считаю, это пустяки. Я хочу что-нибудь опасное совершить, с риском для жизни. Посмотрим, что она тогда скажет! А то говорит: Вите Кукушкину из книжки «Семеро на границе» всего десять было, а он в горах вооружённого бандита поймал и на заставу привёл, а тебе уже одиннадцать. Я тоже что-нибудь замечательное совершу! Мне бы только придумать! Я давно о настоящем опасном деле мечтаю! И вообще надоело, что меня Помидором зовут! Никакой я не Помидор!

А этот мальчик в подъезде мне очень понравился. Вот бы с ним подружиться, он бы не стал Помидором дразниться, это уж точно. Я хотел спросить, как его зовут, но постеснялся. Он даже не обратил на меня внимания. И неудивительно. Он на целую голову выше меня, плечи у него широкие, и он худой и ловкий. А я толстый и нескладный. У меня такой вид, что я сам себе противен. По-моему, я на осьминога похож. Да! Нос картошкой, глазки малюсенькие, брови какие-то белые, а щёки красные. Понятно, почему меня в том дворе Помидором дразнили.

А вообще, это очень обидно, когда дразнят. Я из-за этого в том дворе ни с кем не дружил, а так хочется иметь настоящего друга.

Я, правда, дружу с моей двоюродной сестрой Люськой, но она меня не понимает. Она говорит...

Глава 7

Появление Люськи

Тут, дорогие читатели, как раз на этом месте, Павлик неожиданно прервал дневник, который с таким увлечением начал писать.

«В чём дело? – спросите вы. – Отчего он с испугом захлопнул тетрадь, как ужаленный вскочил со стула, огляделся по сторонам, бросился к шкафу и, встав на колени, запихнул под него тетрадь?»

Мы ответим вам: «В двери громко зазвонил звонок».

– Кто там? – еле переводя дыхание от быстрых действий, спросил Павлик.

– Открывай, это я! – услышал он нетерпеливый голос двоюродной сестры Люськи. – Чего ты там возишься-то? Звоню-звоню, прямо надоело!

– Сейчас, – сказал Павлик, отодвинул щеколду, и в прихожую, как буря, как ураган, ворвалась Люська.

– Здоёрово! – с порога закричала она. – Ничего-о квартирочка! Симпатичная! Сколько метров-то? А балкон есть? А антресоли? Поря-я-ядочек! Коридор что надо! Даже больше, чем у нас! А кухня где? А комнаты? Чего стоишь! Давай показывай! На новую квартиру переехал и развоображался!

– Перестань, – сказал Павлик. – Что ты раскричалась? Квартира как квартира, ничего особенного. Идём, я свою

комнату покажу.

Они вошли в комнату Павлика, и Люська просто остолбенела от восторга.

– Ух ты! У тебя теперь свой стол письменный! А картинку эту кто рисовал? Вот эту, с цветочками? Ми... тюш... кин... Гляди-ка, Митюшкин! Здорово рисует, мне бы так! А тётя Марина где? На работе?

– На работе, – сказал Павлик.

– А чего мы делать будем?.. Да, совсем забыла, я же тебе подарок на новоселье принесла!

Люська раскрыла грязноватый кулак и протянула Павлику покаябанную и потёртую металлическую пуговицу.

– Старинная! Даже вроде золотая! Гляди, как блестит! Я её на улице нашла, в луже валялась. Как раз для твоей коллекции!

– Спасибо, Люсь, – вежливо поблагодарил Павлик. – Но только она вовсе не старинная. Для коллекции не подойдёт.

– Неужели не подойдёт? Жалко! – огорчилась Люська. – Ну ничего, я тогда её тётё Марине подарю, пусть пришьёт куда-нибудь... Так. Квартиру мы новую осмотрели... Что теперь делать будем? Может, в пуговицы поиграем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.